



Н. Н. Толстая

БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ КАК ТЕМА У ПЕТЕРБУРГСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Россия без морей

Из всех царей и императоров, занимавших российский трон, только двое получили титул «великий». Среди российских самодержцев были «грозный», «тишайший», «благословенный» и «освободитель», тоже немало сделавшие для государства и народа. Например, Александр II, освободивший крестьян от рабства, давший своей стране много прогрессивных реформ, положивший конец 25-летней солдатской службе, — разве недостоин был титула «великого»? Но Александр II сделал и то, чего ему до сих пор не простили: сдал в аренду Америке русскую территорию, Аляску, которая назад уже не вернулась. «Великие» же Петр I и Екатерина II завоевали для России выходы к морям: Петр — к Балтийскому, Екатерина, спустя 75 лет, — к Черному.

Много веков Россия жила без выхода к морям, Белое море не могло удовлетворить потребностей огромной страны. Допетровская «святая Русь» — это страна церковей и монастырей, без школ и университетов, без светского искусства. Известны описания жизни и быта великих князей и царей до эпохи Петра: рано вставали и рано ложились, трижды в день отстаивали долгую церковную службу, много ели и пили, долго спали после еды. Спешить было некуда. Ко всем иностранцам относились с подозрением, но обойтись без них как специалистов тоже не могли. И вот про эту спящую долгим

сном страну монах Филофей сказал знаменитые слова, которые повторялись в течение 400 лет: «Москва есть третий Рим, четвертому не бывать». Ясно, что Москву он сравнил с Римом не потому, что оба эти города стоят на семи холмах.

Балтийское море — окно в Европу

В знаменитой поэме Пушкина «Медный всадник», написанной в начале XIX в., есть слова, которые стали одними из наиболее часто цитируемых. О поднимающемся из болот Петербурге — Северной Венеции — поэт писал:

Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при море.
Сюда по новым им волнам
Все флаги в гости будут к нам,
И запируем на просторе.

Факт выхода России к Балтийскому морю был с восторгом встречен и самодержцем, и народом, а затем и русскими поэтами. Вся поэма посвящена тому, «чьей волей роковой Под морем город основался». С наследием Пушкина должны были считаться все писатели, желавшие сказать свое слово о Петербурге, Неве и Балтийском море. Но не все разделяли вдохновение Пушкина, его веру в то, что

Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!

Пушкин был последним певцом светлой стороны Петербурга, стоящего на Балтийском море. Сам Пушкин ни разу в жизни не был за границей и не потому, что не хотел, — Николай I не разрешал ему выехать за границу. Пушкин был «невъездным». Окно, которое прорубил Петр, оказалось тюремным окном с решеткой.

Сразу после октябрьского переворота 1917 г. начались побегии на запад через Балтийское море. С кронштадтских фортов по беглецам стреляли из винтовок, но многим удавалось бежать. Григорий Лозин-

ский, брат известного переводчика Михаила Лозинского, оставшегося в Советской России, бежал тем же путем, но летом на лодке. С собой этот молодой человек смог взять только связку любимых книг. Лодка то пряталась в камышах, то шла на веслах. И этот побег тоже удался. Молодой человек стал впоследствии профессором Сорбонны и умер в захваченном немцами Париже от голода, отказавшись сотрудничать с оккупантами. Его дочь до сегодняшнего дня хранит в своей библиотеке те самые, вывезенные на лодке книги, показывая друзьям пятна, оставшиеся от воды Финского залива.

Столица, отвернувшаяся от моря

Петербург был задуман как форпост России на Балтийском море. Состоятельные жители Петербурга не селились на взморье. Вспомним хотя бы уже упомянутую поэму «Медный всадник». Любимая девушка героя поэмы Евгения жила с матерью «почти у самого залива», и жизнь эта проходила скудно: «Забор некрашенный да ива // И ветхий домик». В начале XIX в. была архитектурно оформлена Стрелка — мыс Васильевского острова. Здесь была построена биржа со скульптурой бога морей Посейдона, поставлены роstralные колонны-маяки. Это была международная гавань со всеми полагающимися символами и эмблемами. Сюда пришел первый в истории города торговый корабль из Голландии. Набережные в этом месте были завалены товарами. Порт находился в центре столицы, а не на морском берегу.

В рассказах Ивана Генслера (1820–1870) мы находим интересную характеристику отдаленного угла Петербурга — Гавани. Тема наводнения трактуется у него в бытовых тонах, ведь гавань, как и весь Петербург, каждую осень затопляет вода. «Между тем как в других частях города спокойно выслушивают третий пушечный выстрел из Адмиралтейства, возвещающий о значительном возвышении воды в невских берегах, — в Гавани при третьем выстреле все приходит в движение, все засуетилось. И недаром: очень часто вслед затем Гавань превращается в Венецию». Однако обитатели Гавани не покидают это место. «Все в Гавани глядит ветхостью, все скрипит, кряхтит и кашляет. Этим старичкам-домикам очень хотелось бы прилечь на покой после испытанных ими тревог, бурь и непогод. Они поседели, поросли мохом, как надмогильные деревянные кресты их первых

владельцев, давно покоящихся под сенью берез Смоленского кладбища»¹.

Два века на самом берегу залива все сохранялось в первобытном состоянии. Писатели и поэты второй половины XIX в. полюбили окраины города и искали в них еще не исследованные стороны городской жизни. Постепенно в их восприятии образ столицы империи видоизменяется. Возникает и разрабатывается тема неотвратимой гибели Петербурга. В воображении авторов искусственно задуманный и созданный город исчезает, погребенный морскими волнами. Поэт Михаил Дмитриев в стихотворении «Подводный город» (1847), представляющем собой парафраз пушкинских стихов о Петербурге, пишет о том, как старый рыбак и мальчик спускают ветхую лодку на воду. Мальчика берет тоска, и он спрашивает у старика, «о чем море стонет». Старик показывает на шпиль, торчащий из воды, к которому они привязывали лодку, и говорит:

Тут был город, всем привольный
И над всеми господин;
Ныне шпиль от колокольни
Виден из моря один.

Город уничтожен за свои грехи, как Содом и Гоморра. Такова вторая русская легенда о подводном городе (первая рассказывала о граде Китеже, ушедшем под воду в условиях угрозы нашествия татар).

О том, что когда-нибудь весь город провалится, думали не только политические враги Петра Первого, в первую очередь косные московские бояре. Так, увы, думал и народ, не понимая, зачем на пустом бесплодном месте нужно во что бы то ни стало, ценой тысяч жизней, строить никому, кроме царя, не нужный город. Для Дмитрия Мережковского (1866–1941) как философа-мистика Петербург есть неудавшийся синтез России и Запада, насилие над русской историей. Это город, изначально обреченный. По Мережковскому, образ смерти Петербурга присутствует уже у его колыбели. В романе «Петр и Алексей» город является действующим лицом, играющим существенную роль в судьбе героев. Тема наводнения особенно привлекала Мережковского. В романе мы читаем, что Петр Первый во всех взо-

¹ Цитаты из кн.: *Генслер И. С.* Голландские чиновники в домашнем быту. СПб., 1904. С. 4–9.

рах читал древний страх воды, с которым боролся всю жизнь: «Жди горя с моря», «беда от воды»; «где вода, там и беда», — гласили народные пословицы.

«Петербургу быть пусту» — это пророчество генетически восходит к Книге Иеремии, где предсказывалась гибель и потопление Вавилона. Известны два круга документальных источников, отметивших это легендарное проклятие новой столице. Первый — протоколы допросов Алексея, старшего сына Петра Первого, в которых это заклятие приписывалось его матери, царице Евдокии Лопухиной. Другие источники, бумаги Тайной канцелярии 1722 г., говорят о распространившемся в Петербурге слухе: на колокольне церкви св. Троицы завелась кикимора (ведьма), и дьякон этой церкви произнес именно это пророчество — о городе, который будет брошен жителями. В XIX в. его предсказание превратилось в устойчивую формулу и использовано во многих художественных произведениях XX в. (например, в «Поэме без героя» Анны Ахматовой).

Город Преступления и Наказания

Из богатого литературного наследия Федора Достоевского (около 30 романов, повестей и рассказов) можно выделить около 20 произведений, в которых Петербург выступает как фон для сюжета. Достоевский воспринимал Петербург глубоко и сложно. Вообще северная столица получила у Достоевского многообразное отражение. Его отзывы о Петербурге столь разноречивы, что трудно понять, каково органическое отношение писателя к городу. То появляется образ чахоточной девушки из «Белых ночей», олицетворяющей собой Петербург, то утверждается, что в столице нет ничего своего, все заимствовано, и все по-своему исковеркано.

Внимание Достоевского приковывает водная стихия Петербурга. Нева, ее рукава и каналы играют большую роль в его произведениях. Мы часто видим его героев, пристально всматривающимися в чернеющие воды. Петербург вырос вдали от истоков русской национальности, и писатель называет этот город «самым умышленным городом в мире». Свойственные XIX в. бытовые картины на темы «физиологии города» часто встречаются и на страницах прозы Достоевского. Пристально всматривается Достоевский в облик города. Его скучный, больной и холодный вид не пугает писателя, он прозревает за этой

отталкивающей оболочкой иной внутренний мир. «Мне сто раз среди этого тумана задавалась странная греза: а что как разлетится туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе этот гнилой город? Поднимется вместе с туманом и исчезнет, как дым, и останется прежнее финское болото...» В знаменитом романе «Преступление и наказание» Петербург предстает как город мрака, ветра и мокроты. В романе есть два последовательных сюжета, соответствующих заглавию, — история Раскольникова и история Свидригайлова. Преступление Раскольникова совершается возле Сенной площади, там же он кается и просит прощения у народа. А Свидригайлов совершает преступление «в темную ночь, во мраке и холоде, в сырую оттепель, когда выл ветер», и затем уходит на Петровский остров, чтобы и с жизнью покончить в такую же мрачную сырую ночь. Стрелка Петровского острова вдается в Финский залив, который как бы тоже вовлекается в трагическую развязку. Вспомним слова писателя из «Братьев Карамазовых» о русском человеке, душа которого так широка, что не мешало бы сузить, чтобы идеал содомский не уживался в его душе с идеалом Мадонны. «Свидригайлов пошел по скользкой грязной деревянной мостовой по направлению к Малой Неве. Ему мерещились высоко поднявшаяся за ночь вода, Петровский остров, мокрая трава, мокрые деревья и кусты». Как мы видим, постоянный акцент, который Достоевский делает на воде, сырости и мокроте, не случаен.

«Холодные и сырые вечера, когда у всех прохожих бледно-зеленые лица» («Преступление и наказание»). «Ночь ужасная, мокрая, туманная, когда ветер вздымает черную воду» («Подросток»). «Могилы, в которых вода, совершенно вода и какая зеленая» («Бобок»). Явившись Раскольникову, как призрак, Свидригайлов исчез в сыром туманном утре Петербурга, а водная стихия воспринимается читателем как стихия греха.

Двадцатый век

Два выдающихся поэта XX в., Александр Блок и Анна Ахматова, создали несхожие образы Петербурга. Блок, родившийся на территории Санкт-Петербургского университета, ректором которого был его дед, узнал всероссийскую славу первого поэта, принял и февральские, и октябрьские революционные события, поверив, что наступает обновление мира (вспомним поэму «Двенадцать»). Но октябрьский

переворот, за которым последовала гражданская война, принес Петрограду голод, аресты заложников и гонения на интеллигенцию. Когда поэт понял свою роковую ошибку, оказавшись в полной изоляции, он тяжело заболел и умер.

Блок сказал о Петербурге «город мой непостижимый». Все части города — его гавань, каналы, предместья — нашли отзвук в его стихах. Петербург-порт получает неожиданное освещение, город наполняется дыханием моря: «И в переулках пахнет морем». Водный простор пробуждает тоску по далеким краям, романтические мечтания. Но в Петербурге накануне Первой мировой войны поэт не находит романтики. Вот как изображен в стихотворении «В северном море» курорт на Финском заливе:

Что сделали из берега морского
Гуляющие модницы и франты?
Наставили столов, дымят, жуют,
Пьют лимонад. Потом бредут по пляжу,
Угрюмо хохоча и заражая
Соленый воздух сплетнями.

<...>

И дряблость мускулов и груди обнажив,
Они, визжа, влезают в воду. Шарят
Неловкими ногами дно. Кричат,
Стараясь показать, что веселятся.

Как всякому настоящему поэту, обывательская пошлость была невыносима для Блока, но он не мог знать, что впереди его ждут несравнимо более тяжкие испытания.

Анна Ахматова (1889–1966) родилась и провела отроческие годы на берегу Черного моря. Южная Россия (нынешняя Украина) и тогда, и сейчас разительно отличалась от Петербурга по языку, культуре, обычаям и традициям. Ахматова полностью отказалась от своего южного наследия и свой новый облик сохранила навсегда. Это был одновременно скромный и величественный облик поэта от Бога. Об Ахматовой говорили, что у каждого поэта есть муза, но Ахматовой муза не нужна: она сама себе муза.

В последние годы жизни, когда после долгих лет молчания Ахматова, будучи уже старой и больной женщиной, вновь обрела имя и

славу, она получила от Союза писателей небольшую дачу в Комарове (Териоки). Эту дачу она называла «будкой» и очень полюбила Карельский перешеек, где написала много лирических стихотворений, навеянных близостью Балтийского моря. «Мне мачт корабельных мерещится скрип», «И этот воздух, воздух вешний, Морской свершивший перелет» — это строки из стихов разных лет, но все они объединены морской темой.

Земля, хотя и не родная,
Но памятная навсегда,
И в море нежно-ледяная
И несоленая вода.
На дне песок белее мела,
А воздух пьяный, как вино,
И сосен розовое тело
В закатный час обнажено.

Это стихи 1964 г., написанные за два года до смерти. Ахматова — поэт подлинной пушкинской традиции.

Вообще говоря, тема Балтийского моря возникала в русской литературе только в связи с Петербургом. Невозможно перечислить всех русских писателей и поэтов, которые писали о Петербурге, — писали двояко, и гимны, и проклятия. Мы сознательно не касаемся ни второй мировой войны, ни блокады Ленинграда, отраженных во многих произведениях поэзии, прозы и драматургии. Это отдельная тема.